

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО HOPE/DESPAIR В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Сиротина

Аннотация. В работе исследуется значимостная, понятийная и образная составляющие семантического единства HOPE/DESPAIR в английском языке. Материалом исследования выступает сплошная выборка примеров из 146 британских и американских художественных произведений 1922–2022 гг. Анализируется употребление основных существительных, вербализующих семантическое единство HOPE/DESPAIR в английском языке (*hope, despair, hopelessness, desperation, despondency*), в корпусе примеров. Делается вывод о количественном преобладании в корпусе случаев актуализации семантических признаков «динамизм», «воздействие» и «проявление» почти для каждой анализируемой лексемы. Отмечается количественное преобладание случаев использования реиморфной метафоры надежды и биоморфной метафоры отчаяния. Выстраивается метафорическая шкала-вертикаль, на которой надежда может колебаться от точки поверхности (условного нуля, равнодушия) до неопределенной высоты; ниже этой точки находится отчаяние, всегда являющимся глубоким.

Ключевые слова: надежда, отчаяние, безнадежность, семантическое единство, лингвокультурный концепт.

Для цитирования: Сиротина О.В. Семантическое единство HOPE/DESPAIR в английском языке // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 435–447. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-435-447

435

THE SEMANTIC UNITY HOPE/DESPAIR IN THE ENGLISH LANGUAGE

O.V. Sirotnina

Abstract. The article analyzes the meaningful, conceptual and figurative components of the semantic unity HOPE/DESPAIR in English. The material of the study is a continuous sample of examples from 146 British and American works of fiction from 1922 to 2022. The use of the main nouns that form the semantic unity of HOPE/DESPAIR in English (*hope, despair, hopelessness, desperation, despondency*) in the corpus of examples is analyzed. The conclusion is made about the quantitative prevalence in the corpus of cases of actualization of the semantic features “dynamism”, “impact” and “manifestation” for almost every analyzed lexeme. The quantitative prevalence of cases of using the reimorphic metaphor

© Сиротина О.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

of hope and the biomorphic metaphor of despair is noted. The metaphorical scale-vertical scale on which hope can fluctuate from a surface point (conditional zero, indifference) to an indefinite height is built; below this point is despair, which is always deep.

Keywords: *hope, despair, hopelessness, semantic unity, linguistic and cultural concept.*

Cite as: Sirotnina O.V. The Semantic Unity HOPE/DESPAIR in the English Language. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 1, part 2, pp. 435–447. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-435-447

Введение

В контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц изучения признается лингвокультурный концепт как многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Основными и обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются многомерность (наличие семантически разнородных составляющих), иерархичность (системная зависимость признаков) и этноспецифичность [1, с. 63].

Выделяют следующие составляющие лингвокультурного концепта: 1) понятийную, отражающую дискурсивность и рациональность представления смысла; 2) образную, отражающую метафоричность и эмотивность этого представления; 3) значимостную, отражающую его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного языка; 4) ценностную, отражающую аксиологичность такого представления [2, с. 20].

Российская лингвоконцептология как ответвление лингвокультурологии за более чем двадцать лет своего существования прошла различные этапы развития. С течением времени закономерно произошло выделение укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых изучаются как сами концепты, так и их семантические противочлены — «антиконцепты». Так, объектами исследования стали «концептуальная область», «концептуальная диада», «концептуальная оппозиция», «бинарные концепты», «лингвокультурная идея» и др. [3]. Уже высказывались мнения, что все эти новообразования являются, по сути, более узкими вариациями одного и того же понятия — семантического единства [4].

Материалы, методика и цели исследования

В данной работе исследуется двухкомпонентное семантическое единство HOPE/DESPAIR в английском языке. Базой исследования является корпус материалов из 146 художественных произведений различных жанров на английском языке, изданных в промежутке с 1922 по 2022 г. В корпус вошло равное количество произведений британских и американских авторов. Исследование опирается на разработанную за десятилетия методологию исследования лингвокультурных концептов и охватывает три составляющие семантического единства — значимостную, понятийную и образную.

Значимостная составляющая

Лингвокультурный концепт по своей природе обладает вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля. В современных толковых словарях английского языка

у существительного *hope* выделяется от двух до пяти тесно связанных между собой значений [5]. Полные (абсолютные) синонимы у этого существительного, по-видимому, отсутствуют (в известном словаре синонимов Webster's New Dictionary of Synonyms соответствующей статьи нет вообще). Общее число примеров с существительным *hope* в корпусе составило 1333.

Существительное *despair* в толковых словарях определяется в первую очередь как потеря или отсутствие надежды [там же]. И у лексемы *hope*, и у лексемы *despair* фиксируется значение, появившееся в результате метафорического переноса: оно указывает на объект, являющийся источником соответственно надежды или отчаяния.

В словаре синонимов английского языка синонимами существительного *despair* являются, прежде всего, *desperation*, *despondency* и *hopelessness*. Они выделяются во всех исследованных словарях синонимов. Существительное *despair* встречается в корпусе намного чаще, чем все прочие члены синонимического ряда — всего отмечен 441 случай. Существительное *desperation* встречается примерно в четыре раза реже (140 примеров), существительное *hopelessness* — примерно в десять раз реже (47 примеров), а существительное *despondency* — примерно в сорок раз реже (10 примеров).

Понятийная составляющая

Понятийная составляющая лингвокультурного концепта отражает его признаковую и дефиниционную структуру. Согласно С.Г. Воркачеву, понятийную составляющую уместнее всего определить через отрицание: это то, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных характеристик языкового имени концепта [6, с. 55].

Учитывая большую схожесть спектров значений английской лексемы *hope* со спектром значений русской лексемы *надежда*, отмеченную в толковых словарях, представляется оправданным выделять у английской лексемы семантические варианты, схожие с вариантами русской лексемы [7]: *hope 1* — вера субъекта в возможность улучшения в будущем ситуации, в которой субъект находится; *hope 2* — источник улучшения ситуации, в которой находится субъект; *hope 3* — шанс, возможность, вероятность возможного события, оцениваемого субъектом положительно.

Семантический вариант *hope 1* в свою очередь может быть разделен на *hope 1.1* («частную» надежду) и *hope 1.2* — «общую» надежду. Эти подварианты отражают разделение на первичную и фундаментальную надежду, релевантное для психологии. Фундаментальная надежда не нацелена на обладание конкретным благом и представляет собой общий позитивный взгляд личности на жизнь, ее базовую диспозицию. Первичная же надежда связана с достижением конкретной цели [8, с. 22].

При количественном анализе корпуса примеров обнаруживается, что наиболее частотным оказывается семантический вариант *hope 1* (81%). Семантический вариант *hope 2*, связанный с семантическим переносом, оказывается наименее частотным (4%). Наконец, семантический вариант *hope 3* (надежда как шанс) представлен несколько большим количеством примеров. Стоит отметить, что в некоторых случаях выбор между *hope 1* и *hope 3* неочевиден; даже сколь угодно широкий контекст не убирает эту неопределенность: *Thorby, being a slave means having someone as your master, with no hope of changing it.* (Robert A. Heinlein. *Citizen of the Galaxy*); *And the fate*

of Hawat, Halleck, and Idaho remained an unknown. There was still hope (Frank Herbert. Dune). Как и в случае с русскими подвариантами *надежды 1*, не всегда удастся уверенно отделить и *hope 1.1* от *hope 1.2*.

Нами были проанализированы случаи актуализации семантических признаков лингвокультурного концепта HOPE при употреблении его имени в корпусе материалов. Анализировались только примеры, содержавшие семантический вариант *hope 1*. Следует отметить, что задача выделения актуализированных семантических признаков осложняется тем, что при употреблении они зачастую представлены синкретически, диффузно, что обуславливает неизбежное наличие определенной степени субъективности полученных результатов.

Наиболее частая актуализация отмечается у семантического признака «динамизм»: надежда-hope возникает, видоизменяется, исчезает. При этом практически всегда обозначается причина этого изменения — в контексте предложения либо более широком. Причиной может быть изменение обстоятельств либо доступной субъекту информации, делающих надежду возможной, либо невозможной, однако это необязательно: *His hopes began to rise, he knew not why* (Hugh Walpole. Judith Paris).

На втором месте по частоте находится актуализация признака «воздействие на субъекта». Зачастую субъект совершает действие, руководствуясь надеждой; он стремится приблизить получение желаемого блага активными действиями. Это наиболее часто встречающийся вид. Иногда субъект, напротив, воздерживается от действия, потому что не имеет надежды на успех или на оправданность действия в конкретной ситуации. Надежда помогает субъекту преодолевать трудности в ходе достижения целей. Однако присутствуют и примеры, содержащие нейтральную или даже отрицательную (что, впрочем, встречается редко) оценку воздействия надежды: *She extinguished the excitement, reminding herself: "Hope clouds observation"* (Frank Herbert. Dune).

От двух вышеописанных признаков сильно отстает по частоте признак, который можно обозначить как «оценка вероятности». В данных случаях субъектом оценивается обоснованность собственной либо чужой надежды. Надежда, которой приписывается небольшая вероятность осуществления, часто называется слабой, необоснованной, наивной, дурацкой, иллюзорной. В иных случаях речь идет о причинах, позволяющих или (реже) не позволяющих надеяться. Эти причины могут быть сформулированы в контексте предложения или абзаца; иногда они не выражаются эксплицитно: *Now that the hope was voiced, it seemed ludicrously naive* (Kingsley Amis. Lucky Jim).

Относительно редко по сравнению с прочими признаками в текстах корпуса происходит актуализация признака «проявление». Надежда, как и прочие эмоции, выражается во внешнем виде человека — в большинстве случаев на лице и в глазах: *In the cottage, two old women stared, envy and hope mixing in their faces, at a tall, handsome woman with black hair and dark eyes and red, red lips* (Neil Gaiman. Stardust).

Сочетания этих признаков, актуализирующиеся одновременно, немногочисленны, как и примеры актуализации иных признаков, не рассмотренных выше.

При рассмотрении второго компонента семантического единства, концепта DE-SPAIR, с учетом данных толковых словарей английского языка имеет смысл различать два семантических варианта лексемы-номинанта: *despair 1* как эмоциональное состояние и *despair 2* как результат семантического переноса на объект, вызывающий у субъекта состояние *despair 1*. При этом семантический вариант *despair 2* встречается

в корпусе довольно редко: *Teresina went often to confession. She was the despair of Father Ramon* (John Steinbeck. Tortilla Flat).

Анализ актуализации семантических признаков при употреблении лексики *despair* (семантический вариант *despair 1*) в корпусе позволяет утверждать, что самым распространенным, как и в случае с концептом HOPE, оказывается признак «динамизм»: отчаяние-*despair* возникает и исчезает, и вновь возвращается. Отметим, впрочем, что об исчезновении отчаяния идет речь крайне редко: очевидно, для описания подобного эмоционального перехода используются другие лексемы. Отдельно стоит отметить примеры, в которых субъект сознательно старается не допустить возникновения отчаяния, осознавая его пагубность. Как и в случае с надеждой, динамика отчаяния сопровождается указанием на причину — в контексте предложения либо в более широком: *For a moment he wondered where he was, and then all the misery and despair returned to him* (John R. R. Tolkien. The Return of the King).

Также довольно часто встречается семантический признак «проявление». Отчаяние проявляется во внешнем виде субъекта. Отчаяние выражается плачем, криком, стоном, воплем, восклицаниями; оно проявляется и в жестах, в голосе и в дыхании; его видно в глазах. Наконец, внешним видом, голосом, действиями создается атмосфера отчаяния. При этом внешние проявления отчаяния намного разнообразнее, чем проявления надежды.

Реже встречается актуализация семантического признака «воздействие». Главным образом в данных примерах речь идет о том, что субъект может совершать разнообразные обусловленные отчаянием действия. Лишь изредка отчаяние приводит к параличу, полному или частичному, препятствуя речи, физической либо умственной деятельности, или даже к смерти: *Numb with despair, he had carried the body back to the ship — only to be refused entry by Hal* (Arthur C. Clarke. 2010: Odyssey Two).

Сочетания этих признаков, актуализирующиеся одновременно, немногочисленны, как и примеры актуализации иных признаков, не рассмотренных выше. Это справедливо и для других лексем из синонимического ряда отчаяния.

При рассмотрении семантических вариантов лексики *hopelessness*, опираясь на словарные определения, представляется оправданным выделить три семантических варианта по аналогии с русской лексемой *безнадежность* [9]: *hopelessness 1* — эмоциональное ощущение; *hopelessness 2* — внешнее выражение внутреннего состояния; *hopelessness 3* — характеристика ситуации.

В корпусе примеров семантические варианты *hopelessness 2* и *hopelessness 3* представлены немногочисленными примерами. Анализ случаев актуализации семантических признаков при употреблении варианта *hopelessness 1* в корпусе материала выявляет следующее. Как и в случае с лексемой *despair*, самым распространенным оказывается признак «динамизм». Безнадежность-*hopelessness* захватывает человека, растет или уменьшается, взаимодействует с другими эмоциями. На втором месте по частоте оказывается семантический признак «воздействие». Безнадежность передается другим людям, делая невозможными полноценное ощущение эмоций. Она ведет к пассивности, унынию и смерти. Однако она же может вызывать и активность субъекта: *...he fought with the madness that is born of hopelessness for the pitiful second which but prolonged his agony* (Edgar Rice Burroughs. The Chessmen of Mars).

Несколько меньше примеров насчитывает семантический признак «проявление». Безнадежность проявляется как во внешнем виде в целом, так и в жестах, позе, осанке:

He completed the sentence by making a gesture of hopelessness with his hands (Dashill Hammett. *The Glass Key*).

Другая лексема из синонимического ряда — *desperation* — встречается чаще, чем *hopelessness*. Стоит отметить, что, хотя в толковых словарях ей приписывается лишь одно значение эмоционального состояния, при анализе примеров из корпуса обнаруживается, что в составе оборотов вида *to (the point of) desperation* она приобретает значение «крайность». Однако такие примеры немногочисленны: *...the easy-going, drowsy-eyed boy she had loved to desperation before the war* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*). Также был обнаружен единственный пример употребления лексемы в значении «безнадежность (положения)», аналогичном *hopelessness* 3: *He spat vigorously as if to emphasize the desperation of his quandary* (John Buchan. *Huntingtower*).

При исключении этих случаев из рассмотрения исследование актуализации семантических признаков при употреблении лексемы *desperation* в корпусе приводит к следующим выводам. С большим отрывом по количеству употреблений лидирует признак «воздействие». Отчаяние-*desperation* толкает субъекта на действия по исправлению текущей ситуации, оно помогает субъекту действовать, хотя и не всегда последствия этих действий оцениваются положительно: *It was desperation that had led him to such carelessness and he knew that he could not do that again* (Cormac McCarthy. *The Road*).

На втором по частоте месте среди примеров оказывается признак «динамизм». Отчаяние-*desperation* овладевает субъектом из-за неких обстоятельств. Оно имеет разные стадии и может усиливаться по мере изменения ситуации. Отчаяние может уходить, сменяться иными состояниями и возвращаться: *“I’m not pretty enough to get him!” — she thought and desperation came back to her* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*).

Не слишком отстает количественно и признак «проявление»: отчаяние-*desperation* проявляется в глазах, голосе, на лице, а также в криках, словах и даже паузах: *In that pause, Dolly detected a mix of desperation and squeamishness that she recognized too well* (Jennifer Egan. *A visit from the Goon Squad*).

Последняя и наиболее редкая лексема из синонимического ряда — лексема *despondency* — в семантическом отношении представляет самый простой случай из исследуемых: у нее отсутствуют семантические варианты. Чаще всего при ее употреблении актуализируется семантический признак «динамизм», но присутствует и признак «воздействие».

Таким образом, при употреблении лексем *despair* и *desperation* чаще всего актуализируются семантические признаки «динамизм», «проявление» и «воздействие»; при этом в первом случае лидером является «динамизм», а во втором — «воздействие». Редкость лексем *hopelessness* и *despondency* не позволяет с уверенностью судить о свойственном им частотном распределении признаков; можно лишь предполагать, что эти три признака в любом случае будут наиболее частотными.

Образная составляющая

Согласно С.Г. Воркачеву, образный компонент концепта составляют различные образные ассоциации, коннотативные и метафорические, которые окружают понятийное ядро концепта [6, с. 83]. Анализ когнитивных метафор в корпусе иллюстративного материала, проведенный согласно семиотической классификации по вспомогательному

субъекту сравнения [10, с. 105–106], позволяет выявить наличие различных типов семантического переноса.

Анализ случаев метафорического употребления лексемы *hope* в корпусе иллюстративных материалов позволяет утверждать, что наиболее распространенным видом метафоры является реиморфная. Надежда представляется предметом, которым можно обладать. Субъект может получить эту предметную надежду от других лиц. Ее можно и лишиться — как добровольно, так и нет. Субъект может держаться за надежду; он может связывать ее с другими людьми или ситуациями. Надежду можно создать и увидеть. В некоторых случаях речь идет о кусках, обрывках, фрагментах, остатках надежды: *...she might readily have been forgiven for abandoning the last vestige of hope...* (Edgar Rice Burroughs. *The Chessmen of Mars*).

В ряде примеров говорится о местонахождении предметной надежды. Реифицированная надежда может двигаться и колебаться. Такая надежда обладает весом, ее можно разрушить. Ей требуется основание, однако она может служить основанием и сама.

Овеществленная надежда может утонуть или упасть, но может и подниматься. Такова же семантика фразеологизма *don't get your hopes up*. Множество примеров свидетельствует о непосредственном описании надежды как высокой (*high*) или низкой (*low*). Это вполне соотносится с представлением, претендующим на универсальность, согласно которому увеличение значений любого параметра — размера, скорости, веса и т. п. ассоциируется с движением вверх (*MORE IS UP*), а уменьшение — с движением вниз (*LESS IS DOWN*) [11, с. 15]. Наконец, реиморфная надежда может описываться как большая (*big, large*) или маленькая (*small, little*).

На втором месте по частоте употребления находится общая биоморфная метафора. Под эту категорию подпадает любое уподобление надежды живому существу. Прежде всего, надежда живет; она рождается и рождает сама, растет и умирает, гибнет. Надежду можно лелеять, а можно и убить: *For a time they had killed hope, but only for a time* (H.G. Wells. *Men Like Gods*).

Антропоморфная (как подвид общей биоморфной) надежда, как человек, подбадривает и успокаивает, подсказывает и обманывает, поддерживает жизнь, но и убивает. С очеловеченной надеждой борются, играют, прощаются, ее хоронят. Надежда просыпается, ищет, приходит, уходит и возвращается: *Now that the repulsive word had been said, she felt somehow easier and hope awoke in her again* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*).

На третьем по частоте месте находится фототермическая метафора. Надежда светит, горит, мерцает; она может быть горячей, жаркой, а также яркой; но она может и тускнеть. Надежда уподобляется заре и пламени. Она может представляться путеводным огнем, маяком или лучом: *Then it became a distant beam of hope...* (Neil Gaiman. *American Gods*).

В случае использования более редкой газожидкостной метафоры надежда понимается как присутствующая в воздухе и в самом человеке субстанция. Субъект ощущает всплеск, прилив надежды. Надежда испаряется, испускает пузыри, падает каплями, замерзает, утекает и, наконец, иссыкает: *They had been used to losing children, but they hadn't been used to what the rest of the world knows best of all — the hope which peters out* (Graham Greene. *The Power and the Glory*).

Отдельным видом метафоры оказывается метафора надежды как наполнителя, поддерживающего. Надежда наполняет человека, его жизнь, душу или глаза, а также весь мир:

Millions of years, trillions of lives full of pain and hope and struggle, and all for what? (Edmond Hamilton. *City at World's End*).

Примеры с метеорологической метафорой немногочисленны. Надежда сравнивается с вихрем или ветром; иногда она предстает и туманом. Также надежда может описываться как боль или болезнь, вызывающая судороги (патологическая метафора): *The spasm of hope and fear passed instantly, as cold logic replaced emotion* (Arthur C. Clarke. 2001: *A Space Odyssey*).

Изредка надежда представляется пищей. Столь же редка и вкусовая (синестезическая), и звуковая метафора. Единичны сравнения надежды с грузом, самородком, одеждой.

При метафорическом употреблении лексики *despair* чаще всего используется общая биоморфная метафора. Как и все живые организмы, отчаяние питается; оно обладает пастью, оно грызет, оно может рожать. При использовании антропоморфной метафоры — самого распространенного в корпусе вида биоморфной — отчаяние предстает оппонентом, противником человека. Оно расстраивает, беспокоит его. Человек борется с отчаянием. Оно овладевает человеком, подчиняет его и требует от него чего-то. Отчаяние вынуждает человека действовать. Оно покидает человека и возвращается к нему.

На втором месте по частоте находится реиморфная метафора. Отчаяние пребывает в некоем месте; часто оно связано с сердцем. Оно скрывается за чем-то другим, но его можно увидеть. Отчаяние падает, обрушивается на человека. Предметное отчаяние имеет вес, отбрасывает тень и рассыпается на части. Подобно надежде, оно поднимается; как и надежда, может быть основанием. Наконец, изредка отчаяние описывается как черное (black) или темное (dark); как холодное (cold) или ледяное (icy).

Реже в корпусе используется газоидная метафора отчаяния. Отчаяние уподобляется выдыхаемому воздуху; оно предстает содержимым колодца или озера. Отчаяние проливается на людей, перекачивается волнами. Оно прорывается на поверхность и льется потоком. Отчаяние также может предстать как воздух, атмосфера.

442

Отчаяние, как и надежда, может представляться содержимым, наполняющим пространство, взгляд, глаза, крик и самого человека: *All at once there came a bloodcurdling shriek, filled with hatred and despair* (John R.R. Tolkien. *The Hobbit*).

Патологическая метафора отождествляет отчаяние с приносящей боль заразной болезнью, от которой можно умереть; однако от этой болезни можно и исцелиться.

Отчаяние осмысливается также как пропасть (можно назвать это абиссальной метафорой): это нечто глубокое, куда погружается или падает сам человек, его душа или сердце. Пространственная метафора, в отличие от абиссальной, не указывает на глубину, но акцентирует внимание на отчаянии как о пространстве, которое находится внутри человека.

Редким является сравнение отчаяния с оружием. Еще более редка фототермическая метафора. К прочим случаям относится сравнение отчаяния с тканью, товаром, туманом, звуком.

Метафорические употребления существительного *hopelessness* немногочисленны, однако достаточно разнообразны. Пожалуй, наиболее часто употребляется антропоморфная метафора, уподобляющая это чувство противнику. На втором по частоте месте находится реиморфная метафора: безнадежность становится предметом, она уносится ветром и может быть смягчена. На третьем по частоте месте находится пространствен-

ная метафора. Безнадежность — *hopelessness* — представляется опасным пространством, в котором можно затеряться: *Others just lay by the ditch, unconscious, or lost in hopelessness* (Ian McEwan. *Atonement*).

Прочие случаи метафоризации представлены газожидкостной, биоморфной, патологической метафорой. Также безнадежность сравнивается с ядом и излучением.

Среди случаев метафорического использования существительного *desperation* чаще всего представлена антропоморфная метафора. Очеловеченное отчаяние-*desperation* совершает разнообразные действия: обманывает других людей, касается их лиц, молится, скрывается. Но чаще объектом его действия становится сам человек: отчаяние ведет, догоняет, хватается его, требует от него чего-то, возвращается к нему. Оно заставляет человека совершать действия; но оно и помогает, придает храбрости. Как живое существо, отчаяние растет и рождает: *Instead of it there was a desperate lucidity and a courage born of desperation* (Mary Roberts Rinehart. *The Breaking Point*).

На втором месте по частоте находится реиморфная метафора. Предметное отчаяние находится где-то в пространстве, в земле или в воде. Отчаяние описывается как видимый предмет, отбрасывающий тень: *Jessica saw the shadow of desperation in the man's face* (Frank Herbert. *Dune*).

В корпусе примеров присутствуют и примеры использования метафоры отчаяния как содержимого: отчаяние наполняет глаза и самих людей. Наконец, последний тип метафоры уподобляет отчаяние пространству или месту, куда можно попасть. Прочие единично встречающиеся метафоры уподобляют отчаяние яду, аромату или понукающей палке.

Наконец, при рассмотрении примеров с лексемой *despondency* ввиду их малого количества можно отметить только их разнообразие; ни один вид не является доминирующим. В корпусе используются газожидкостная, пространственная, абиссальная, антропоморфная и патологическая метафоры.

Выводы и обсуждение

Очевидная асимметрия семантического единства HOPE/DESPAIR проявляется уже в том, что единственной лексеме *hope* противостоит синонимический ряд *despair* — *hopelessness* — *desperation* — *despondency*. Лексема *hope* в корпусе встречается примерно в два раза чаще, чем все лексемы синонимического ряда отчаяния, вместе взятые. В этом отношении стоит указать на структурное сходство семантического единства HOPE/DESPAIR с русским семантическим единством НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ [9; 12; 13].

У лексемы *hope* выделяются три семантических варианта. У большей части лексем синонимического ряда *despair* также можно выделить несколько семантических вариантов. Как при употреблении лексемы *hope* в варианте *hope 1*, так и при употреблении лексем синонимического ряда отчаяния чаще всего актуализируются семантические признаки «динамизм», «воздействие» и «проявление». И надежда, и отчаяние чаще всего предстают в динамике. И надежда, и отчаяние отражаются вовне: во внешности, жестах, голосе и т. п.; и надежда, и отчаяние заставляют субъекта действовать. Отчаяние (в отличие от надежды) иногда обуславливает и паралич способностей субъекта, однако это не касается случаев использования лексемы *desperation*. Специфичен для надежды семантический признак «оценка вероятности»: он отражает ментальную, а не эмоциональную сторону надежды как многомерного образования.

Наконец, стоит отметить выявленное отсутствие сколь-нибудь значительной семантической разницы в употреблении лексем *despair* и *hopelessness* (учитывая при этом предварительный характер этого вывода из-за редкости лексемы *hopelessness* в корпусе).

Наиболее распространенными видами метафор при употреблении как лексемы *hope*, так и лексем синонимического ряда *despair* — *hopelessness* — *desperation* — *despondency* в корпусе материалов являются реиморфная и общая биоморфная. При этом надежда чаще оказывается реиморфной, а отчаяние — биоморфным: и чаще всего оно предстает как противник субъекта.

Относительно распространены также фототермическая и газожидкостная метафора надежды. Для отчаяния газожидкостная метафора является нераспространенной, а фототермическая — редкой, нетипичной. Однако и надежда, и отчаяние могут предстать как содержимое.

Интересным в сопоставительном плане оказывается сравнение полученных результатов с результатами Е.А. Мошиной [14]. Наиболее частотными образными признаками и русского концепта НАДЕЖДА, и концепта HOPE оказываются предметные, антропоморфные и категориальные признаки (в нашей терминологии категориальные и часть предметных признаков автора соответствуют использованию реиморфной метафоры). С учетом того, что корпус материалов Е.А. Мошиной составили классические произведения русской и английской литературы конца XVIII–XX вв., можно сделать вывод об устойчивости во времени частотной иерархии видов метафор надежды в литературно-художественном англоязычном дискурсе, а равно предположить наличие схожей частотной иерархии метафор и в русском литературно-художественном дискурсе вплоть до XXI в.

Для надежды специфично ее представление как высокой или низкой, большой или маленькой. Для отчаяния специфично его уподобление человекообразному противнику, оппоненту; а также образ отчаяния как глубины, глубокой пропасти. А. Омори на основе примеров из Британского национального корпуса (BNC) подчеркивает оппозицию преимущественно «огненных» (фототермических) метафор надежды и преимущественно «земных» (зачастую пространственных и абиссальных в нашей терминологии) метафор отчаяния [15, с. 192–195]. Наше исследование поддерживает эти выводы, дополняя их другими видами метафор, не рассмотренными автором.

Таким образом, учитывая вышесказанное, на основании примеров из исследованного корпуса можно выстроить метафорическую шкалу-вертикаль, на которой надежда может колебаться от точки поверхности (условного нуля, равнодушия) до неопределенной высоты, а ниже уровня поверхности будет находиться отчаяние.

Равным образом можно представить градацию яркости и темноты: надежда светит более или менее ярко; отчаяние же описывается как темное. Отсюда метафорическая модель «выше — значит больше»/«ниже — значит меньше», релевантная и для надежды, и для отчаяния, может быть дополнена моделью «ярче — значит больше»/«тусклее — значит меньше» (для надежды) и, возможно, «глубже — значит больше» и «темнее — значит больше» (для отчаяния). Отчаяние, судя по материалам корпуса, может колебаться по интенсивности в некоторых пределах; но сразу же после условного нуля располагается уже более или менее «глубокое» отчаяние, и метафорическое «погружение» в отчаяние подразумевает увеличение этой глубины.

В целом можно констатировать наличие значительных структурных сходств между семантическими единствами НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ и HOPE/DESPAIR. Также можно предполагать и значительную степень их сходства в образной составляющей. Дальнейшие исследования позволят уточнить сходства и различия между русским и англоязычным семантическими единствами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев, С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014. С. 50–69.
2. Воркачев, С.Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 17–30.
3. Воркачев, С.Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж, 2010. С. 5–27.
4. Сабадашова, М.Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 200 с.
5. Сиротина, О.В. Семантическое единство «надежда — отчаяние»: русско-английские параллели // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сборник материалов VI Международной научно-практической очно-заочной конференции. Краснодар, 2021. С. 394–401.
6. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2002. 142 с.
7. Сиротина, О.В. Концепт «надежда»: семантические варианты имени // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 3. С. 474–479.
8. Муздыбаев, К. Феноменология надежды (статья первая) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 18–27.
9. Сиротина, О.В. Антиконтцепт «отчаяние» в Национальном корпусе русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 207–214.
10. Москвин, В.П. Классификация русских метафор // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 103–113.
11. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
12. Сиротина, О.В. Антиконтцепт «отчаяние»: значимостная составляющая // Актуальные вопросы филологических исследований: сборник статей материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Краснодар: Юг, 2021. С. 38–42.
13. Сиротина, О.В. Концептуализация надежды в русском языке: значимостный аспект // Актуальные вопросы филологических исследований: сборник статей материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Краснодар: Юг, 2021. С. 133–138.

14. Мошина, Е.А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов НАДЕЖДА и HOPE в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 172 с.
15. Otori, A. Conventional Metaphors for Antonymous Emotion Concepts // *Lodz Studies in Language*. 2012. Vol. 27. P. 183–204.

REFERENCES

1. Vorkachev, S.G. Semiotika lingvokulturnogo konsepta i terminosistema lingvokulturnoj konseptologii [Semiotics of the Concept in Anthropological Linguistics and the Terminological System of Linguocultural Conceptology]. In: *Yazyk, kommunikaciya i socialnaya sreda. Vyp. 12* [Language, Communication and Social Environment, iss. 12]. Voronezh, 2014, pp. 50–69. (in Russ.)
2. Vorkachev, S.G. Ex pluribus unum: lingvokulturnyj kontsept kak sinteznoe obrazovanie [Ex pluribus unum: Linguocultural Concept as an Integral Entity], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics, 2016, No. 2, pp. 17–30. (in Russ.)
3. Vorkachev, S.G. “Kuda zh nam plyt?” — lingvokulturnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya [«Where Should We Go?» — Linguistic and Cultural Conceptology: Current State, Problems, Vector of Development]. In: *Yazyk, kommunikaciya i socialnaya sreda. Vyp. 8* [Language, Communication and Social Environment, iss. 8]. Voronezh, 2010, pp. 5–27. (in Russ.)
4. Sabadashova, M.G. *Leksiko-frazeologicheskie sposoby vyrazheniya semanticheskogo edinstva “pamyat/zabvenie” v russkom i anglijskom yazykah* [Lexical and Phraseological Methods of Expression of Semantic Unity “Memory/Oblivion” in the Russian and English Languages]: PhD Dissertation (Philology). Krasnodar, 2011, 200 p. (in Russ.)
5. Sirotina, O.V. Semanticheskoe edinstvo “nadezhda — otchayanie”: russko-anglijskie paralleli [Semantic Unity Hope — Despair: Russian-English Correlations]. In: *Filologicheskie i sosiokulturnye voprosy nauki i obrazovaniya* [Philological and Sociocultural Issues of Science and Education: Proceedings of the 6th International Research and Practical Conference]. Krasnodar, 2021, pp. 394–401. (in Russ.)
6. Vorkachev, S.G. *Kontsept schastya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza* [The Concept of Happiness in the Russian Linguistic Consciousness: An Essay of Linguistic and Cultural Analysis]. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, 2002, 142 p. (in Russ.)
7. Sirotina, O.V. Kontsept “nadezhda”: semanticheskie varianty imeni [The Concept of Hope: Semantic Variations of the Name], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology, 2022, vol. 32, No. 3, pp. 474–479. (in Russ.)
8. Muzdybaev, K. Fenomenologiya nadezhdy (statya pervaya) [Phenomenology of Hope (Article One)], *Psihologicheskij zhurnal* = The Journal of Psychology, 1999, vol. 20, No. 3, pp. 18–27. (in Russ.)
9. Sirotina, O.V. Antikonsept “otchayanie” v Nacionalnom korpuse russkogo yazyka [Anticoncept “Despair” in the Russian National Corpus], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2023, No. 3, pp. 207–214. (in Russ.)

10. Moskvina, V.P. Klassifikatsiya russkikh metafor [A Classification of Russian Metaphors]. In: *Yazykovaya lichnost: kulturnye koncepty* [Linguistic Personality: Cultural Concepts: A Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Arhangelsk, Peremena, 1996, pp. 103–113. (in Russ.)
11. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980.
12. Sirotnina, O.V. Antikoncept “otchayanie”: znachimostnaya sostavlyayushchaya [Anticoncept “Despair”: The Meaningful Aspect]. In: *Aktualnye voprosy filologicheskikh issledovanij* [Topical Issues of Philological Research: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of N.A. Nekrasov]. Krasnodar, 2021, pp. 38–42. (in Russ.)
13. Sirotnina, O.V. Kontseptualizatsiya nadezhdy v russkom yazyke: znachimostnyy aspekt [Conceptualization of hope in the Russian language: the meaningful aspect]. In: *Aktualnye voprosy filologicheskikh issledovanij* [Topical Issues of Philological Research: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of N.A. Nekrasov]. Krasnodar, 2021, pp. 133–138. (in Russ.)
14. Moshina, E.A. *Sopostavitelnyj analiz sposobov obektivatsii konseptov NADEZHDA i HOPE v russkoj i anglijskoj yazykovyh kartinah mira* [Comparative Analysis of Ways of Objectification of Concepts NADEZHDA and HOPE in English and Russian Linguistic Worldviews]: PhD Dissertation (Philology). Kemerovo, 2005, 172 p. (in Russ.)
15. Omori, A. Conventional Metaphors for Antonymous Emotion Concepts, *Lodz Studies in Language*, 2012, vol. 27, pp. 183–204.

Сиротина Ольга Викторовна, старший преподаватель, кафедра иностранных языков № 1, Кубанский государственный технологический университет, shkoda070171@mail.ru

Olga V. Sirotnina, Senior Lecturer, Professor, Foreign Languages Department No. 1, Kuban State Technological University, shkoda070171@mail.ru

447

Статья поступила в редакцию 26.09.2023. Принята к публикации 24.11.2023

The paper was submitted 26.09.2024. Accepted for publication 24.11.2023